

ДЕМОНУ

Поведай мне множество историй, о великодушный, о злонаправный демон, но не рассказывай тех, о которых я слышал или когда-либо грезил — ну разве что смутно или изредка. Нет, не рассказывай ни о чем, что лежит в границах времени и в пределах пространства, ибо меня утомили занесенные в летописи года и освоенные земли; ни острова, что лежат к западу от страны Китая, ни закатные края Инда недостаточно далеки, чтобы поселить там мои замыслы, и Атлантида слишком юна, чтобы их вместить, и со времен, когда континент Му видел солнце, прошло еще мало эпох.

Поведай множество историй, но таких, о которых не сложены легенды и молчат мифы нашего и сопредельных миров. Расскажи, коли пожелаешь, о временах, когда луна была юна и моря ее кишели сиренами, а горы с подножий до пиков покрыты были цветами; расскажи о планетах, седых от древности, о мирах, куда не заглядывал смертный астроном и чьи таинственные небеса и горизонты ошеломляли провидцев. Поведай об огромных цветах, в чаше которых, как в колыбели, может уснуть женщина; об огненных морях, бьющих прибоем в глыбы вечного льда; о благовониях, способных за один вдох погрузить в вечный сон; о безглазых титанах, живущих на Уране, и о существах, что бродят под зеленым светом двух солнц, лазурного и оранжевого. Расскажи о немислимом страхе и невообразимой любви в сферах, откуда наше солнце видится лишь безымянной звездой, куда его лучи и вовсе не проникают.

МЕРЗОСТНЫЕ ПОРОЖДЕНИЯ ЙОНДО

Песок в пустыне Йондо не таков, как песок других пустынь; ибо Йондо расположена ближе всего к краю света, и неведомые ветра, прилетающие из бездны, которую не измерит ни один астроном, засеяли ее погибельные просторы серой пылью разрушающихся планет, черным пеплом погасших солнц. Над ее изрытой, складчатой поверхностью высятся темные, округлые горы, отчасти нездешнего происхождения — многие суть не что иное, как упавшие с небес астероиды, полузасыпанные зловещими песками пустыни. Из подземного мира сюда пробираются твари, каким в порядочных землях путь преграждают охранительные божества; но нет благих божеств в пустыне Йондо, где обитают блеклые духи исчезнувших звезд и дряхлые демоны, что остались бездомными скитальцами после крушения их преисподней.

Был полдень весеннего дня, когда я вышел из бесконечных кактусовых зарослей, где меня бросили жрецы-дознаватели Онга, и увидел пред собою серое преддверие Йондо. Повторю, был полдень весеннего дня; но в этом фантастическом лесу не нашлось ни признаков весны, ни даже воспоминаний о ней; и распухшие, гниющие, красновато-бурые выросты, среди которых я пробирался, походили не на обычные кактусы, а на омерзительные коряги, едва поддающиеся описанию. Самый воздух отяжелел, пропитанный удушливой вонью разложения, и пятна лишайников, словно проказа, расползлись по черной земле и рыжеватой растительности. С поваленных кактусов, уставясь на меня блестящими глазами цвета охры, лишенными век и зрачков, поднимали головы бледно-зеленые гадюки. Много часов их взгляды преследовали меня, и неприятно было видеть чудовищные грибы с бесцветными ножками и поникшими ядовито-лиловыми шляпками, что росли по топким берегам зловонных бочагов; при моем приближении по желтой воде разбежались пугающие круги, отнюдь не утешительные для человека, чьи нервы напряжены до предела

после не передаваемых словами пыток. Когда же и болезненно раздутые кактусы сделались мельче и заметно реже, а в промежутках между ними поползли ручейки пепельно-серого песка, я начал догадываться, какую великую ненависть пробудило в жрецах Онга мое кощунство и как на самом деле страшна их злобная мстительность.

Я не буду описывать в подробностях, какие неосторожные поступки привели меня, беспечного чужака из дальних стран, в руки ужасных чародеев и мистериархов, служителей львоглавого Онга. Поступки эти, как и подробности моего ареста, вспоминать мучительно; сильнее всего хочется забыть обтянутую драконьими кишками и посыпанную алмазным порошком дыбу, на которой растягивали обнаженных людей; или ту темную комнату с шестидюймовыми отверстиями у самого пола — оттуда сотнями выползали раскормленные трупные черви из близлежащих катакомб. Довольно будет сказать, что, истощив запасы жуткой фантазии, мои истязатели завязали мне глаза и невероятно долгие часы везли меня на верблюде, а в предрассветных сумерках бросили посреди зловещего леса. Мне сказали, что я волен идти куда хочу, и в знак милосердия Онга дали для пропитания черствую ковригу и небольшой бурдюк с затхлой водой. В полдень того же дня я вступил в пустыню Йондо.

Все это время я не думал повернуть назад, несмотря на весь ужас гниющих кактусов и ютящихся между ними злобных созданий. Теперь же я замедлил шаг, памятуя, какие отвратительные легенды рассказывают о земле, где я очутился; ибо немногие рискуют зайти сюда по собственной воле. И еще меньше тех, кто вернулся, бесвязно повествуя о невиданных ужасах и диковинных сокровищах; руки и ноги их вечно трясутся, как у припадочных, в глазах под поседевшими бровями и ресницами горит безумный огонь — все это не вызывает желания следовать по их стопам. Поэтому я застыл в нерешительности у границы безжизненных песков, и трепет нового страха охватил мои истерзанные внутренности. Жутко было идти дальше, жутко и возвращаться — я не сомневался, что на этот случай у жрецов для меня заготовлен прием. Итак, я подождал немного и двинулся дальше, на каждом шагу проваливаясь в тошнотворно-мягкое, преследуемый по пятам некими длинноногими насекомыми, что встретились мне среди кактусов. Насекомые эти, цветом напоминавшие

недельной давности труп, размером были с тарантула, но когда я оборотился и наступил на ближайшее, поднялась ядовитая вонь еще мерзее расцветки. Поэтому я пока старался не обращать на них внимания.

Право, это были всего лишь мелочи среди ужасов моего положения. Впереди, под огромным болезненно-багровым солнцем, на фоне черных небес раскинулась пустыня Йондо, беспредельная, как страна бредовых видений, порожденных гашишем. Вдали, у самого горизонта высились округлые горы, о которых я уже говорил; а в промежутке тянулись ужасные серые пустоши и невысокие безлесные холмы, словно горбатые спины наполовину зарытых в песок чудовищ. На пути мне попадались громадные ямы, оставленные ушедшими глубоко в землю метеоритами; влажно поблескивали в пыли многоцветные драгоценные камни, которым я не знал названия. Поваленные кипарисы гнили у стен разрушенных мавзолеев; по испятнанному лишайниками мрамору ползали жирные хамелеоны с царственными жемчужинами во рту. За грядями холмов скрывались города, где ни единого камня целым не осталось, — громадные древние города, отдающие пустыне осколок за осколком, атом за атомом. Измученный пытками, я тащился по необъятным мусорным кучам, что были когда-то могучими храмами, и под ногами у меня падшие боги хмурились крошащимся песчаником и скалились растресканным порфиром. На всем лежало злое безмолвие; нарушали его лишь сатанинский хохот гиен да шорох гадюк в гуще сухих колючек и в заброшенных садах, заросших крапивой и дикой руттой.

С вершины одного кургана я увидел причудливое озеро, непроницаемо-черное и зеленое, как малахит, обведенное по краю блистающими отложениями соли. Воды его наполняли углубление в виде чаши далеко внизу, а груды соли громоздились почти у моих ног, и я понял, что озеро это — всего лишь горчащий остаток давно высохшего моря. Я спустился к темной воде и погрузил в нее руки; но древняя морская вода немилосердно щипала и разъедала кожу, и я поспешно отступил — уж лучше терпеть пустынную пыль, что окутала меня тягучим саваном.

Здесь я решил недолго отдохнуть и, побуждаемый голодом, употребил часть издевательски скудной провизии, которой снабдили меня жрецы. Я намеревался, если позволят силы, двигаться дальше и достичь земель, что лежат к северу от Йондо. Земли эти

поистине безрадостны, однако безрадостность их — обычного свойства, не то что в Йондо. Изредка туда заходят кочевники. Если фортуна будет ко мне благосклонна, я могу встретить кого-нибудь из них.

Жалкая трапеза подкрепила меня, и впервые за не знаю сколько недель — счет времени я давно потерял — мне послышался тихий шепот надежды. Трупного цвета насекомые давно отстали. Покамест мне не встречалось больше ничего и вполонину столь жуткого, несмотря на гробовое безмолвие и рассыпающиеся прахом руины вокруг. Я подумал было, что ужасы Йондо несколько преувеличены.

И тут с холма надо мною донесся дьявольский смех. Он раздался внезапно, испугав меня сверх всякой меры, и все продолжался, не меняясь ни единой нотой, будто на холме веселился полоумный демон. Запрокинув голову, я увидел темное устье пещеры, ошетилившееся зелеными сталактитами, — я не заметил его прежде. Оттуда, казалось, и доносился звук.

Я опасливо глядывался в темный провал. Смех раздался громче, но я по-прежнему ничего не видел. Наконец я различил в черноте бледный отблеск, и вдруг стремительно, как в кошмарном сне, предо мною явилась чудовищная тварь. У нее было бледное, безволосое, яйцевидное туловище размером с суягную козу, и тело это опиралось на девять длинных шатких суставчатых лап, будто у громадного паука. Тварь пробежала мимо меня к озеру, и я разглядел, что на ее нелепо приплюснутой морде нет глаз, над головой торчат два узких, острых, как ножи, уха, а длинный морщинистый нос наподобие хобота свисает ниже толстогубой пасти, скалящей в вечной ухмылке нетопырные зубы.

Существо стало жадно пить едкую воду, а утолив жажду, обернулось и словно почуяло меня; сморщенный нос приподнялся и повернулся ко мне, шумно принюхиваясь. Убежало бы существо или собиралось на меня броситься — не знаю; я не вынес этого зрелища и сам кинулся бежать на трясущихся ногах, петляя между громадными валунами и грядами намытой у берега соли.

Наконец, совершенно запыхавшись, я остановился. Погони не было. Я сел, все еще дрожа, в тени валуна, но отдохнуть мне было не суждено, ибо тут началось второе из тех фантастических приключений, что принудили меня поверить во все слышанные прежде безумные легенды.

Еще больше, чем дьявольский смех, напугал меня вопль, внезапно раздавшийся у самого моего локтя. Звук шел от слезавшегося соленого песка, будто женщина кричит от невыносимой боли или бьется, беспомощная, в руках демонов. Я обернулся. Предо мной была истинная Венера, совершенная в своей белоснежной наготе, без единого видимого изъяна, только погруженная до пупка в песок. Расширенные от ужаса глаза ее смотрели на меня с мольбой, и нежные, словно лепесток лотоса, руки простерлись ко мне в умоляющем жесте. Я бросился к ней — и коснулся мраморной статуи, что полуприкрыла искусно вырезанные веки, грезя о забытых столетиях. Песок скрыл от взора утраченную прелесть ее бедер и лодыжек. Вновь бежал я в страхе и вновь услышал крик мучительной боли, но не обернулся и не увидел больше молящих рук и глаз.

Вверх, по долгому склону к северу от проклятого озера, оскальзываясь на обломках базальта, спотыкаясь о куски камня в прожилках отливающих прозеленью металлов, проваливаясь в соляные ямы и наносы праха, которому нет названия, по уступам, оставленным в неизмеримой древности отступающим морем, бежал я, словно из одного кошмарного сна в другой. Порой в ушах у меня раздавался холодный шепот — и нашептывал не встречный ветер; оглянувшись назад у края очередного уступа, я заметил причудливую тень, бегущую шаг в шаг за моей собственной тенью. Та, другая тень принадлежала не человеку, не обезьяне и никакому известному нам зверю: слишком гротескно вытянута голова, слишком скрючено приземистое туловище, и никак не рассмотреть, то ли у тени пять ног, то ли пятая нога на самом деле хвост.

Ужас придал мне сил, и лишь достигнув макушки холма, я решился оглянуться снова. Фантастическая тень по-прежнему держалась рядом с моей, и теперь до меня долетел странный, донельзя тошнотворный запах, гнусный, как вонь летучих мышей, годами висящих в склепе среди гнили и разложения. Я пробежал много лиг; над невероятными, словно бы инопланетными горами на западе красное солнце клонилось к закату, а сверхъестественная тень удлинялась вместе с моей, все держась на том же расстоянии у меня за спиной.

За час до заката мне встретился круг невысоких колонн, чудом устоявших среди развалин, подобных огромной груде разбитых черепков. Проходя меж колоннами, услышал я тихий ску-

леж, словно дикий зверь скулит, раздираемый яростью и страхом. Я обернулся и увидел, что тень не последовала за мною в круг. Я остановился, немедля предположив, что нашел убежище, куда нежеланный фамилляр не сможет войти; и действия тени подтвердили мою догадку. Тварь застыла в нерешительности, а потом заметалась по кругу, то и дело останавливаясь между колоннами. Наконец она двинулась прочь, к заходящему солнцу, и затерялась в пустыне.

Целых полчаса не смел я пошевелиться; затем надвигающаяся ночь, обещая новые ужасы, погнала меня дальше, на север, сколько хватит сил. Ибо теперь я достиг самого сердца Йондо, где, быть может, водятся демоны и фантомы, не питающие почтения к убежищу в круге колонн.

Пока я брел вперед, освещение удивительным образом изменилось; пылающий шар солнца, спускаясь к горизонту, погрузился в зловонную дымку и тускло просвечивал сквозь испарения — в них пыль разрушенных храмов и усыпальниц Йондо смешалась с гнусными миазмами, что поднимались ввысь над черной неизмеримой пропастью за наипоследнейшим краем нашего мира. При таком освещении вся мертвенная пустыня, округлые горы, извилистые гряды холмов и затерянные города приобрели фантастический мрачно-багровый оттенок.

И тогда с севера, где сгушались тени, явилось поразительное создание — высокий человек, с ног до головы закованный в кольчугу; вернее, я лишь предполагал, что это человек. Каждый его шаг по растресканной земле отдавался печальным звоном. Когда он приблизился, стало видно, что доспех его сделан из меди, весь в пятнах прозелени, а голову венчает шлем, тоже медный, с круто изогнутыми рогами и зубчатым гребнем. Я говорю «голову», потому что становилось темно и мне было плохо видно издали, но, когда видение подошло вплотную, я разглядел, что под налобником удивительного шлема нет лица — очертания пустого провала на миг ясно обрисовались в тусклом свете. Затем призрак все с тем же тоскливым звоном двинулся дальше и исчез.

А вслед за ним, пока еще не догорел закат, неестественно громадными шагами приблизилось другое видение и остановилось, возвышаясь надо мной в багряных сумерках, — чудовищная мумия какого-нибудь древнего царя, по-прежнему увенчанная блистающим золотом, но лик, представший моему взору, был изъеден чем-то более грозным, нежели время и могильные черви.

На скелетоподобных ногах развевались обрывки гробовой пелены, а над украшенной сапфирами и лалами короной пугающе покачивалось нечто черное; но я поначалу и вообразить не мог, что это такое. Вдруг в черноте раскрылись два раскосых алых глаза, мерцающих, словно угли преисподней, а в обезьяньей пасти блеснули два клыка, будто ядовитые змеиные зубы. Приплюснутая, голая, бесформенная голова на непропорционально длинной шее нырнула вниз и зашептала мумии на ухо. Затем единым шагом гигантский лич вдвое сократил расстояние между нами; из складок рваного погребального покрова показалась иссохшая рука. Когтистые костяные пальцы, унизанные драгоценными камнями, потянулись к моему горлу...

Прочь, прочь, сквозь безмерные века безумия и ужаса бежал я, изнемогая, от этих шарящих пальцев, неотступно преследующих меня из мрака, что клубился за спиной. Прочь, по собственным следам, не помня себя, ни мгновения не колеблясь; назад, к встреченным мною прежде мерзостным порождениям пустыни, к безымянным руинам, к гибельному озеру, к зарослям отвратительных кактусов — туда, где ждали моего возвращения безжалостные жрецы-дознаватели Онга.

САДАСТОР

Слушайте же историю, которую поведал некоей прекрасной ламии демон Харнадис, сидя вместе с нею на вершине горы Мофи над истоками Нила в те годы, когда сфинкс был еще молод. Ламия была раздосадована, ибо красота ее стала зловещей легендой как в Фивах, так и в Элефантине, отчего мужчины страшились ее уст и опасались ее объятий, и у нее уже почти две недели не было возлюбленного. Она била змеиным хвостом по земле и тихо стонала, проливая те самые мифические слезы, которыми плачут змеи. И вот что рассказал ей демон, желая ее утешить.

Давным-давно, во времена алых эпох моей юности, говорил Харнадис, я ничем не отличался от прочих молодых демонов и любил похвалиться проворством своих крыльев, совершая фантастические полеты: стервятником парил я и витал над Тартаром и безднами Пифона или взмывал в бескрайнюю черноту неба к звездным орбитам. Я следовал за Луной от вечерних сумерек до утренней зари и видел тайны ее лика, подобного Медузе, который она вечно отвращает от Земли. Я читал сквозь наледь итифаллические руны на колоннах, до сих пор сохранившихся в ее пустынях; и мне ведомы иероглифы, начертанные на стенах ее безнадежно заснеженных городов, хранящие разгадки забытых тайн и намекающие на события древней как мир истории. Я пролетал сквозь тройное кольцо Сатурна и совокуплялся с прекрасными василисками на островах высотой в лигу посреди колоссальных океанов, где каждая волна подобна вершинам и пропастям Гималаев. Я бросал вызов облакам Юпитера и черным замерзшим безднам Нептуна, что увенчан вечным светом звезд; я странствовал среди далеких бесчисленных солнц, подле которых известно тебе Солнце — всего лишь погребальная свеча в тесной гробнице. Там, на гигантских планетах, я вершил свой полет над горными террасами, громадными, как упавшие астероиды, где

служат невообразимому Злу, имеющему тысячи имен и обличий, поклоняясь ему непостижимыми способами. Иногда, усевшись на лепестках высоченных растений, что цветом подобны живой плоти и источают аромат, дарующий экстаз непередаваемых грез, я насмехался над ищущими пару чудовищами и приманивал их самок, и те пели и вились вьюном у подножья моего укрытия.

В неутомимых странствиях среди далеких галактик однажды оказался я на забытой, умирающей планете, чье имя на языке ее народов, не оставивших следа в истории, звучало как Садастор. Огромная, унылая, серая в свете угасающего солнца, изрезанная гигантскими трещинами и от полюса до полюса покрытая бескрайними песчаными пустынями, она висела в пустоте, лишенная спутников, точно символ далекого будущего для других миров, что красивее и моложе. Прервав свой путь меж звезд, я полетел вдоль ее экватора, паря на раскинутых крыльях над вершинами циклопических вулканов, ужасающими голыми хребтами древних гор и покрытыми мертвенно-бледной солью пустынями, очевидно бывшими некогда ложем древних высохших океанов.

В самом центре одного такого океанского ложа, за горами, что прежде были берегом первозданного океана, в нескольких лигах ниже их подножья, обнаружил я широкую извилистую долину, уходившую в самые глубокие бездны этого гибнущего мира. Ее окаймляли отвесные скалы, высокие утесы, контрфорсы и башни из ржаво-красного камня, изрезанные волнами древних морей, что выточили из них миллионы зловещих причудливых фигур. Я медленно парил среди этих утесов, уходивших по прихотливой спирали на многие мили в глубины окончательного и безысходного запустения, и свет надо мною тускнел по мере того, как уступы и зубчатые стены из красного камня вздымались все выше между моими крыльями и небесами. А когда я огибал самую глубокую пропасть, куда солнечные лучи падали лишь в краткие мгновения полдня, среди пурпурных камней вечной тени я увидел омут темно-зеленой воды — последний остаток океана, тихо угасающий среди крутых неприступных стен. Из этой заводи донесся голос, сладкий, подобно смертному вину из мандрагоры, и слабый, точно бормотание морских раковин. И голос этот молвил:

— Остановись, постой, молю тебя, и Расскажи мне, кто ты, пришедший сюда, чтобы скрасить проклятое одиночество моей смерти?

Остановившись у края заводи, я взглянул в тенистые глубины и увидел поднышающую из воды бледную, мерцающую женскую фигуру — фигуру сирены с волосами цвета океанских водорослей, берилловыми глазами и дельфиньим хвостом.

— Я демон Харнадис, — отвечал я ей. — Но кто ты, живущая в этой мерзостной яме, в глубине умирающего мира?

— Я сирена, — сказала она, — и имя мое Лиспиал. От морей, где я вволю резвилась много столетий назад, завлекая отважных моряков на смерть, к берегам моего гибельного острова, осталось лишь это жалкое озерцо. Увы! Озерцо мелеет с каждым днем, а когда оно полностью исчезнет, погибну и я.

Она разрыдалась, и ее соленые слезы смешались с соленой водой.

— Не плачь, — ответил я, желая ее утешить, — ибо я подниму тебя на своих крыльях и унесу в новый мир, где небесно-голубые воды изобильных морей покрывают замысловатыми полотнищами бледной пены пологие зеленые и золотистые берега первозданной весны. Они могут стать твоим домом на долгие эпохи, и штормы будут в красном свете заката гнать к твоим скалам галеры с расписными веслами и большие баркасы под пурпурными парусами; и громкий треск их сокрушенных ростров будет сливаться со сладким колдовством твоего гибельного пения.

Но она продолжала безутешно рыдать, причитая:

— Ты так добр ко мне, но это не поможет, ибо я рождена в водах этого мира и в водах его я должна умереть. Увы! Прощайте, мои любимые моря, что бесконечным сапфировым покрывалом простирались от вечно цветущих берегов до земель, покрытых нетающими снегами! Прощайте, морские ветры, что несли ароматы соли и водорослей, дивные благоухания океанских цветов, и цветов земли, и далеких экзотических бальзамов! Прощайте, квинквиремы давно завершившихся войн и торговые суда с парусами и такелажем из виссона, что лавировали среди варварских островов, доверху нагруженные топазами, виноцветным гранатом, нефритом и идолами из слоновой кости, в те древние времена, что стали теперь всего лишь волшебной легендой! Прощайте, мертвые капитаны, прекраснейшие мертвые моряки, которых волны отлива приносили ко мне на ложа из янтарных водорослей, в мои пещеры под поросшим кедрами мысом! Прощайте, поцелуи, которыми я покрывала их холодные бледные губы, их сомкнувшиеся мраморные веки!

Печаль и жалость охватили меня при ее словах, ибо я понял, что слышу горестную правду и иссякающие горькие воды обрекают ее на смерть. После многих соблезнований, столь же бессмысленных, сколь и тщетных, я в тоске попрощался с нею и тяжело полетел прочь среди спиральных утесов тем же путем, каким явился, возносясь все выше в мрачные небеса, пока планета Садастор не превратилась в едва заметную точку далеко в космосе. Но трагическая тень подобной судьбы и горе сирены мучили меня еще много часов, и лишь поцелуи прекрасной и свирепой вампириши на далекой, юной, буйно цветущей планете помогли мне забыть Лиспиал. И сейчас я рассказал тебе ее историю, дабы ты могла утешаться размышлениями о бедственной судьбе, что бесконечно печальнее и безнадежнее, чем твоя собственная.

ДЕВЯТЫЙ СКЕЛЕТ

Безоблачным апрельским утром я отправился на свидание с Гвиневрой. Мы договорились встретиться у Каменного хребта; и место нашей встречи было хорошо известно нам обоим — круглая полянка, которую обступали сосны и усеивали большие валуны, на полпути между домом ее родителей в Ньюкасле и моей хижиной на северо-восточной оконечности хребта, возле Оберна.

Гвиневра — моя невеста. Следует пояснить, что в то время, о котором я пишу, у ее родителей имелись определенные возражения против нашей помолвки, от которых они, к счастью, впоследствии отказались. Собственно, тогда дело дошло до того, что они запретили мне приходить, и мы с Гвиневрой могли встречаться лишь тайком и изредка.

Хребет — длинная и извилистая ледниковая морена, местами в соответствии со своим названием заваленная камнями, со множеством обнажений черной вулканической породы. Кое-где на склонах растут фруктовые сады, но вершины почти никто не возделывает, поскольку почва здесь в основном слишком тонкая и каменистая. Сосны со сплетенными ветвями, порой фантастических форм, напоминающих кипарисы на калифорнийском побережье, и узловатые низкорослые дубы придают пейзажу своеобразную дикую красоту, в которой местами чувствуется нечто японское.

От моей хижины до поляны, где я должен был встретиться с Гвиневрой, около двух миль. Поскольку я родился в тени Каменного хребта и прожил на нем или рядом с ним почти все свои тридцать с небольшим лет, я знаком с каждой веткой на его протяжении и до того апрельского утра вряд ли удержался бы от смеха, если бы кто-то сказал мне, что я могу заблудиться... С тех пор, уверяю вас, мне вовсе не до смеха...

Воистину то утро было словно создано для встречи влюбленных. Среди кустов клевера и в зарослях краснокоренника

с большими белыми цветами, чей странный и тяжелый аромат насыщал воздух, деловито жужжали пчелы. Повсюду среди зеленых полей мелькали весенние цветы: цикламены, желтые фиалки, маки, дикие гиацинты и литофрагмы. В промежутках между изумрудными каштанами, серо-зелеными соснами и темными, золотистыми, иссиня-зелеными дубами просматривались очертания гор Сьерра-Невада на востоке и голубоватого Берегового хребта на западе, за бледно-лиловой долиной Сакраменто. Следуя едва заметной тропой, я шел через поля, где приходилось пробираться среди груд валунов.

Все мысли мои были заняты Гвиневрой, и я лишь иногда бросал взгляд на окружающую меня красоту. Пройдя половину пути между моей хижиной и местом встречи, я вдруг понял, что свет померк, и посмотрел вверх, подумав, естественно, что солнце закрыла оставшаяся незамеченной апрельская тучка. Представьте же мое удивление, когда я увидел, что лазурное небо стало зловеще-коричневым и посреди него отчетливо виднеется плавающее, подобно огромному красному круглому углю, солнце. Затем мое внимание привлекло нечто странное и незнакомое — что именно, я сразу не смог определить, — и удивление мое сменилось растущей тревогой. Остановившись и оглядевшись вокруг, я понял, что, сколь бы невероятным это ни казалось, я заблудился: сосны по обе стороны тропы были вовсе не теми, какие я ожидал увидеть, — выше и узловатее, чем те, которые я помнил. Корни их извивались подобно змеям, выступая над сухой почвой, на которой росли лишь скудные пучки травы. Валуны вокруг напоминали монолиты друидов, а формы некоторых из них могли присниться только в кошмарном сне. Думая, что все это, скорее всего, мне действительно снится, но пребывая в крайнем замешательстве, каковым редко сопровождаются нелепые и чудовищные видения в кошмарах, я тщетно пытался сориентироваться и найти какой-то знакомый объект посреди причудливого пейзажа.

Среди деревьев извивалась тропа, что вела, судя по всему, туда же, куда направлялся я, хотя и несколько шире той, по которой я шел прежде. Ее покрывала серая пыль; с каждым шагом она становилась все глубже, и в ней виднелись странные отпечатки ног, слишком худых и узких, непохожих на человеческие, несмотря на пять пальцев. При виде их я невольно содрогнулся, хотя

и сам не понял отчего. Впоследствии я удивлялся, что не узнал их сразу, но тогда у меня не возникло никаких подозрений, лишь смутная тревога и неясный трепет.

Я шел дальше, а искривленные стволы, ветви и корни сосен вокруг обретали все более фантастичный и зловещий вид. Одни напоминали ухмыляющихся старух, другие походили на припавших к земле непристойных горгулий, третьи словно корчились в адских муках, четвертые будто содрогались в пароксизмах сатанинского хохота. Небо продолжало медленно темнеть, унылый и угрюмый коричневый оттенок сменился похоронным пурпуром, посреди которого тлело солнце, похожее на взошедшую из моря крови луну. Пурпур этот целиком окутал деревья и весь пейзаж, все погрузилось в противоестественный сумрак. Лишь камни становились все бледнее, чем-то напоминая надгробия, склепы и монументы. По сторонам тропы больше не зеленела весенняя трава — на голой земле, усеянной высохшими лишайниками цвета патины, кое-где покачивались омерзительного вида грибы с бледными ножками и темными шляпками.

Небо настолько потемнело, что казалось, наступили сумерки; я словно очутился в обреченном на гибель мире под лучами умирающего солнца. Не доносилось ни ветерка, ни звука — ни птиц, ни насекомых, ни вздохов сосен, ни шелеста листвы, лишь необычайная мрачная тишина, какая может быть только в бескрайней пустоте.

Деревья стали гуще, а затем расступились, и я вышел на круглую поляну. Здесь уже невозможно было ошибиться в природе камней-монолитов — то действительно были надгробия и могильные памятники, но такие древние, что буквы и цифры на них почти стерлись, а те немногие, что сохранились, были написаны на неизвестном мне языке. Вокруг царил дух непостижимой древности, тайны и ужаса. С трудом верилось, что жизнь и смерть могут быть настолько стары — даже окружавшие поляну корявые деревья будто склонялись под грузом бесчисленных лет. Ощущение чудовищной древности, воплощенной в этих камнях и соснах, лишь прибавило замешательства, укрепило мои страхи. Нисколько не приободрило меня и множество следов на мягкой земле вокруг надгробий, точно таких же, какие я уже видел раньше, — казалось, будто они отходят от окрестностей каждого камня, а затем возвращаются.

И тут я впервые услышал в мрачной тишине некий звук, помимо шороха собственных шагов. За моей спиной среди деревьев раздался негромкий и зловеющий треск. Обернувшись, я прислушался; нервы мои и без того были натянуты до предела, а в голове, подобно орде ведьм на шабаше, пронеслись чудовищные страхи и жуткие фантазии.

Реальность оказалась не менее чудовищной! В тени деревьев мелькнуло что-то белое, и оттуда появился человеческий скелет, державший на руках скелет младенца! Он целеустремленно, размеренным шагом направился в мою сторону, и в его спокойной скользящей походке, несмотря на охватившие меня ужас и оцепенение, я ощутил некую страшную женственную грацию. Видение, не останавливаясь, прошло среди монументов и исчезло среди сосен по другую сторону поляны. Едва оно скрылось, тут же появилось второе, тоже со скелетом младенца на руках, и прошло мимо меня в том же направлении и с тем же тошнотворным изяществом.

Ужас, для которого это слово слишком слабо, страх за пределами страха сковал все мои члены, и мне показалось, будто на меня тяжким грузом наваливается неотвратимый и невыносимый кошмар. Передо мной появлялись из тени древних сосен скелет за скелетом, точно такие же, как и предыдущие, с той же жуткой легкостью движений и тоже с несчастными младенцами на руках, и шли туда же, где скрылся первый, следуя к той же загадочной цели. Они шли один за другим, пока я не насчитал восемь. Теперь мне стало ясно, откуда взялись странные следы, которые так меня встревожили.

Когда восьмой скелет скрылся из виду, взгляд мой, словно повинувшись неодолимому зову, упал на ближайшее надгробие, рядом с которым я, к своему удивлению, увидел то, чего не замечал ранее, — свежерытую могилу, зиявшую темным провалом в мягкой почве. Возле моего локтя послышался негромкий треск, и лишленные плоти пальцы потянули меня за рукав. Рядом со мной стоял скелет, отличавшийся от прочих лишь тем, что не держал на руках младенца. С обворожительной безгубой улыбкой он снова потянул меня за рукав, словно увлекая к открытой могиле, и зубы его щелкнули, будто он пытался что-то сказать. Разум мой, охваченный невообразимым ужасом, больше не мог этого вынести, и мне показалось, будто я падаю в бескрайнюю клубя-